

КИМ ЧХОЁП

한글
크립트

ОРАНЖЕРЕЯ
НА КРАЮ СВЕТА

Ким Чхоёп

Оранжерея на краю света

Серия «Хиты корейской волны»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68304047

*Оранжерея на краю света:
ISBN 978-5-17-147421-8*

Аннотация

Каков он, мир будущего? Двадцать второй век, люди смогли пережить экологическую катастрофу: на планету опустилась смертельная пыль, изменившая экосистему всего мира. И когда, казалось бы, трагедии прошлого остались на страницах истории, в одном из городков разрастается необычная лиана, излучающая синеватый свет. Молодая эколог Чон Аён культивирует растения прошлого и пытается разгадать загадку мосваны, лианы, которая в свое время могла спасти весь мир от губительного действия пыли. Правда ли то, что ядовитый сорняк позволил людям выйти за пределы защитных куполов? Кто такие Ланганские ведьмы и какие тайны скрывает «оранжерея» деревни Илим?

История об эпохе Пыли, оранжерее и лиане, о сестрах, роботах и летающих автомобилях, о стремлении выжить, о людском эгоизме, высокомерии и других пороках, которые существуют уже очень давно и вряд ли исчезнут в будущем.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	16
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Чхоёп Ким

Оранжерея на краю света

###

##

THE GREENHOUSE AT THE END OF THE EARTH

Russian translation Copyright is arranged with BLOSSOM

CREATIVE, Seoul and BC Agency, Seoul

Copyright © 2021 by Kim Cho-yeop

Originally published by GIANT BOOKS

All rights reserved. No part of this book may be used or reproduced in any manner whatever without written permission except in the case of brief quotations embodied in critical articles or reviews.

© Д.В. Мавлеева, Е.А. Похолкова, перевод на русский язык, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Пролог

Старая машина с грохотом остановилась перед въездом на грунтовую дорогу, ведущую вверх по холму. Полуразрушенная деревянная лестница, старые дорожные знаки, обломки перил. Повсюду груды камней. Когда-то здесь был Национальный парк. Теперь от него остались только руины, куда уже очень давно не ступала нога человека. Стволы почерневших каучуковых деревьев по обе стороны дороги были словно расцарапаны когтями, и в их ранах застыл сок ужасающе белого цвета. Серые листья пальм безжизненно свисали вдоль ствола.

– Будь у нас «Дельфин», можно было бы подняться на самый верх, – прошептала Наоми и взглянула на старшую сестру Амару. Чтобы получить координаты, им пришлось отдать хOVERKAP – самую дорогую из своих вещей. Не ожидая, что взамен потребуют именно его, Наоми хотела сказать сестре: «Сейчас просто сходим, а координаты можно найти и в другом месте в следующий раз», но, увидев ее измученное лицо, подумала, что следующего раза может не быть. Сколько еще у Амары осталось времени? Вот так ради одной маленькой карточки с координатами они расстались с машиной.

Осмотревшись, Амара сказала:

– Дорога такая узкая, что здесь нам и хOVERKAP не помог бы. Придется пешком пробираться сквозь эти заросли.

– Не знаю. Может, «Дельфин» смог бы пролететь...

Наоми взглянула наверх. Чахлые кроны громадных деревьев заслоняли небо. Даже в их родном Иргачеффе, где они прожили до шести лет, не росли такие гиганты. Но можно было бы их облететь, будь хOVERKAP еще при них.

Амара покачала головой:

– Хотя мы несколько раз помогали обитателям купола пользоваться хOVERKAPом и даже делали это за деньги, стоит признать, что «Дельфином» не так-то легко управлять в воздухе. К тому же мы ни разу не запускали его высоко. А если бы и запустили, то ничего хорошего бы из этого не вышло. Помнишь, сколько боевых дронов мы встретили на пути сюда? Нет, управлять им на большой высоте – самоубийство. Если бы мы не разбились, это было бы чудом.

Наоми хотела что-то возразить, но поняла, что пора уже забыть про хOVERKAP. Они им очень дорожили и даже дали ему имя – «Дельфин», но обрести его вновь им явно не суждено.

Наоми опустилась на корточки возле деревянной лестницы.

– Земля вся в трещинах. Видимо, давно не было дождя.

Пыль господствовала в их краях уже несколько лет, и климат стал очень непредсказуемым. Несколько месяцев повышенной концентрации пыли привели к засухе на юге Малай-

ского полуострова. Судя по состоянию почвы, этот некогда тропический лес тоже почти высох.

– А может, для людей так даже лучше. Ливни в джунглях вымывают из почвы все питательные вещества, поэтому там сложно что-то выращивать за исключением тех видов, которые уже когда-то отстояли свое право на существование. А здесь никаких проливных дождей и сорных трав – разве не красота?

Амара была очень встревожена и говорила больше обычного, как будто пыталась успокоить саму себя. Наоми спросила сестру:

– Ты правда веришь, что то место существует?

– Но ты ведь сама видела. Такое просто невозможно придумать.

Наоми понимала, о чем говорит Амара. О фотографии, которую в качестве доказательства вместе с координатами передали имеющие иммунитет, или, как их называли, устойчивые. Яркий свет посреди леса на снимке походил на слившиеся в один далекие огни в домах. Изображение было увеличенным и размытым, но сразу пленило душу Амары. Наоми хотела было сказать, что достаточно просто затемнить снимки, сделанные еще до эпохи Пыли, и получишь сколько угодно таких фотографий, но печальные глаза сестры не позволяли ей произнести это вслух.

Среди скитальцев-устойчивых ходили диковинные слухи. Говорили, если проехать часа два на машине на северо-за-

пад от Кепонга, что на севере Куала-Лумпура, то окажешься в лесу, где находится поселение-убежище. Оно не спрятано под землей, не скрыто под куполом, и если пройдет дождь или подует ветер, то его не отличить от обычных деревень допыльной эпохи. Якобы в нем могут жить и неустойчивые, люди без иммунитета.

С тех пор как Амара узнала про убежище, она при любой возможности пыталась разузнать у устойчивых его местонахождение. Наоми же не доверяла слухам. Это немыслимо, разве может на захваченном пылью континенте существовать убежище под открытым небом? Конечно, Наоми догадывалась, почему сестра так стремилась его найти. Все из-за воздуха. В отличие от младшей сестры Амара неустойчивая, а значит, она уязвима.

Наоми встала и смахнула грязь со штанов.

– Ну что, идем?

Покрытый пылью лес был исполнен мертвой тишины. Вокруг – ни единого живого существа. Ботинки утопали в опавшей листве. Наоми приходилось постоянно смотреть под ноги, чтобы не споткнуться об исполинские корни деревьев. Они шли уже около часа, но лесу не было видно конца. Чем глубже они заходили, тем плотнее ветви деревьев закрывали небосвод.

– Подожди.

Амара схватила сестру за руку. В нескольких шагах перед

ними вырисовывалась громадная тень. Наоми испуганно ахнула, подумав, что это покойник.

– Это же... орангутан, – сказала старшая сестра.

Мертвый орангутан был размером со взрослого человека. Похоже, пыль остановила разложение тела. Наоми не раз видела, как сотрудники института в Лангкави месяцами хранили трупы животных в ящиках. Некоторые истлевали очень быстро, но были и те, которые, будто набитые чучела, не разлагались вовсе. Наоми потянулась было к трупку обезьяны, но Амара схватила ее за руку.

– Ты что, не трогай. Хочешь подхватить заразу?

Но Наоми все же дотронулась до мертвого орангутана. На ощупь его шерсть была холодной, а кожа – загрубелой. В верхней части тела почти не было следов разложения, но часть, соприкасавшаяся с землей, давно сгнила. Наверное, в почве сохранились микробы или насекомые, до которых пыль не добралась.

– Аккуратнее, прошу тебя. Устойчивость защищает далеко не от любой дряни на свете.

Наоми пожала плечами и отряхнула ладони. Отступив на шаг, она снова осмотрела труп. Кое-что привлекло ее внимание. Часть бедра орангутана была покрыта лианой, которая, по всей видимости, выросла после его смерти. Наоми пробормотала:

– Оно живое?

– Кто – оно? Орангутан? С чего ты взяла?

– Да нет же, растение.

Амара подозрительно посмотрела на сестру, которая разглядывала лиану. Многие растения погибали от пыли, но не разлагались, поэтому отличить живое от мертвого было непросто. Наоми хотела сорвать один листок, но, прикоснувшись к нему, почувствовала жжение.

Вдруг она заметила кое-что необычное и сказала:

– Земля сырая. Не такая, как у входа в лес.

Воздух тоже стал влажным. Наоми испуганно посмотрела на сестру и спросила:

– Все нормально?

На лес начал опускаться туман. Заметив это, Амара с тревогой огляделась и пробормотала:

– Пыльный туман? Но здесь столько деревьев, с чего вдруг?

– Это не имеет значения, – возразила Наоми, – ветер есть и над деревьями. Пыль может добраться куда угодно. Если почувствуешь что-то неладное, сразу говори.

В отличие от Наоми, которая не реагировала на пыль, Амара чутко улавливала повышение ее концентрации. Одним из признаков был неожиданно появляющийся багряный туман. Научные сотрудники в Лангкави тоже считали его «индикатором». Но откуда здесь пыльный туман? Возможно, это не совсем обычный лес.

Сестры продолжили путь, хотя и не были уверены, что идут в правильном направлении. Устойчивые из Мельбы

подсказали им, где найти вход в лес, и сообщили, что нужно идти в самую его глубь. Существует ли вообще то место, которое они искали? Может, их просто обманули?

Туман стал застилать все вокруг. По пути им несколько раз встречались трупы больших животных, приходилось через них перешагивать. Ноги постоянно цеплялись за корни деревьев и утопали в грязи. Возле громадной раффлезии слоем лежали дохлые насекомые. Белые семена и споры, парящие в воздухе, отвратительные лианы на мертвых деревьях – все удивляло в этом лесу. Лучи заходящего солнца придавали джунглям диковинный вид. Может, это был обман зрения, но Наоми казалось, что сквозь листву растений, обвивающих деревья, сочился мерцающий свет.

Карточка с координатами не помогла. Может, если бы они передвигались на машине, она бы пригодилась. Но они шли пешком, и им с трудом удавалось определить направление. Речь шла уже не столько о том, чтобы найти убежище, сколько о том, чтобы вообще выбраться из этого леса. Им не хватило времени все продумать. Наоми переживала за сестру, в то же время испытывая досаду, оттого что они зашли так далеко, будучи совершенно неподготовленными к этой вылазке. Нужно срочно возвращаться.

– Амара, поворачиваем обратно. – Наоми потянула сестру за рукав. – Здесь нет никакого убежища. Те люди дали нам липовые координаты. Специально, чтобы мы заблудились и погибли.

– Наоми, оно здесь, я знаю.

– Тебе кажется, что в этом мертвом лесу что-то есть? Если убежище вообще существует, то точно не здесь. Умоляю тебя, пойдем обратно!

«Солнце уже садится. Еще немного, и придется ночевать в этой непроглядной тьме. Без палатки, еды и питья. Пусть в этом лесу нет животных, но здесь нас поджидает другая опасность – холод. Какими дурами надо быть, чтобы забраться в такие дебри! Даже устойчивые обманывают друг друга. Как можно было так слепо им довериться?» – сокрушалась про себя Наоми. Вздохнув, она подняла взгляд и увидела, что туман становится багряным.

– Амара, надо спешить обратно!

Наоми знала только то, что пыль и багряный туман несовместимы с жизнью. Кто-то сразу начинал харкать кровью, задыхался и падал замертво, кто-то мог продержаться час или даже сутки. В любом случае гибель была неминуема.

– Наоми...

– Если мы сейчас же не выберемся отсюда...

– Наоми, успокойся. Я в порядке. Давай присядем.

Амара усадила сестру на камень и встала рядом. Красные глаза и усталое лицо выдавали ее изможденность. Наоми казалось, что сестра вот-вот упадет на землю или захлебнется кровью и умрет.

– Ты же знаешь, я не могу повернуть назад. Даже если мы выберемся, туман все равно меня настигнет. Нельзя всю

жизнь убегать. Ты так можешь, но я – нет. Позволь мне хотя бы перед смертью узнать правду.

Наоми понимала, что в этот лес сестру привела призрачная надежда найти убежище. Амара, у которой не было иммунитета к пыли, жила только благодаря двум вещам – помощи сестры и мечте об убежище. Амара пробормотала что-то наподобие извинений, но младшая сестра не смогла выдержать ее взгляда и отвернулась. Закашлявшись, Амара сказала:

– Давай еще немного подождем. Подует ветер, туман рассеется – и тогда снова двинемся в путь.

В густых мертвых джунглях не было даже зазора, через который мог бы прорваться ветер. Но Наоми понимала, что убеждать сестру бесполезно. Она достала небольшой самодельный тент, чтобы хоть как-то укрыть ее от тумана.

Наоми вгляделась в темноту. Вокруг что-то поменялось. Она ощутила дуновение свежего ночного воздуха, увидела лунный свет, пробивающийся сквозь ветви. Туман полностью рассеялся.

Амара сидела с закрытыми глазами, прислонившись к дереву. Лунный свет падал ей на лицо. Наоми попыталась расшевелить сестру:

– Амара, просыпайся. Что-то происходит.

Вдалеке в глубокой тьме леса показалась сияющая сфера. Явление было настолько загадочным, что Наоми на какой-то миг показалось, что это всего лишь мираж. Неужели устой-

чивые не обманули и здесь правда есть убежище?

– Наоми, это точно оно!

– Дорогая, спокойно. – Наоми не могла поверить своим глазам. – Лучше подождать до утра. Если убежище и правда существует, то нет необходимости так спешить.

Но Амара была непреклонна.

– Нет, нужно идти сейчас. Днем мы не сможем различить этот свет и снова заблудимся.

Наоми нехотя последовала за сестрой. Амара права. Различимый только в темноте, этот свет был их единственным ориентиром. К ночи холод стал пронизывающим. Наоми попыталась получше укутаться в свое старое пальто, но это не спасало от озноба.

– Наоми, стой. Подожди, пожалуйста.

Наоми сделала по инерции еще несколько шагов и остановилась. Послышался шорох. Еле сдержав крик, она замерла. В следующее мгновение среди густых деревьев показались тени. Неужели это люди? Неизвестные были в черных капюшонах, но без какой-либо защитной одежды – очевидно, устойчивые.

– Убежище существует, – услышала Наоми бормотание Амары.

Незнакомцы окружили сестер и наставили на них оружие. Девушки встали спиной друг к другу и заложили руки за голову. Амара в страхе затараторила:

– Мы устойчивые. Как и вы. Мы нашли вас по координа-

там. Устойчивые из Мельбы рассказали. Мы все умеем – водить машину, работать с приборами. Согласны на любую тяжелую работу. Только примите нас к себе...

Одна из устойчивых – тучная женщина – махнула рукой, приказывая ей замолчать.

«Это ты-то устойчивая? Едва ли», – обреченно подумала Наоми. Люди в капюшонах не проронили ни слова, но оружие не убрали. Наоми крепче сжала руки и ощутила ком в горле. «Может, они думают, что мы грабители? Но мы даже не вооружены».

В следующий миг Наоми ощутила острую боль в шее и почувствовала что-то влажное на затылке. В глазах потемнело, ноги подкосились, и она упала на землю. «Ловушка. Нас обманули. Никакого убежища нет», – подумала Наоми и прокричала из последних сил:

– Амара, нет, Амара!

Кто-то из нападавших перевернул Наоми на живот и заломил ей руки за спину. Затем ее с головой накрыли плотной тканью.

– Амара, беги! – истошно кричала она и тщетно пыталась сопротивляться.

– Наоми! – отчаянно воскликнула Амара.

В следующее мгновение наступила темнота. Ощущалось приближение смерти.

Глава 1

Мосвана

В это утро в Научно-исследовательском институте изучения пыли царило необыкновенное воодушевление. А все из-за дикой малины. В начале рабочего дня Субин прикатила целый контейнер с ней на тележке. Ягоду приветствовали как героя, вернувшегося с войны, возгласами: «Встречайте, настоящая малина, как сто лет назад!» Ее удалось получить в рамках проекта по воссозданию местных сортов фруктов и ягод, которые культивировали еще до эпохи Реконструкции. Субин объяснила, что сначала ягоду выращивали лишь в малом количестве в лаборатории, а потом наконец смогли получить пусть и скромный, но полноценный урожай, который она и принесла сегодня на пробу.

Аён присоединилась к другим сотрудникам института, толпившимся возле доверху наполненного малиной огромного контейнера. Она впервые увидела эту ягоду, хотя раньше много раз встречала ее изображения в архивных материалах, а иногда даже пробовала искусственное заграничное малиновое варенье. О вкусе свежей ягоды Аён могла лишь догадываться. Глаза всех сотрудников искрились надеждой. Плоды выглядели немного необычно, но их нежный аромат пробуждал аппетит.

Субин набрала полную миску ягод, вымыла их в раковине возле стола и поставила заветное лакомство на передвижную тележку. Наконец довольным голосом она предложила приступить к дегустации:

– Ну что, кто желает попробовать?

Расталкивая друг друга, сотрудники бросились набирать полные горсти. Ароматная мякоть малины была сладковатой на вкус и казалась слегка терпкой. Выражения лиц сотрудников, пробующих ягоду, стремительно менялись. В тишине было слышно, как хрустят на зубах малиновые косточки. Всеобщее молчание затягивалось. Субин, не взявшая в рот ни ягодки, обеспокоенно спросила:

– Ну и как на вкус?

Известная своей прямолинейностью руководитель группы Пак Соён озадаченно сказала:

– М-м-м, а малина в принципе терпкая ягода?

Никто не решился ответить. Все следили за реакцией Субин. Впрочем, вскоре безмолвие нарушилось и посыпались возгласы:

– Может, в те времена все было невкусным? Помню, последние восстановленные помидоры тоже оказались так себе.

– По-видимому, у людей двадцать первого века были другие вкусовые предпочтения. Им, похоже, такое нравилось.

– Да не может этого быть! В двадцать первом веке люди тоже были не дураки. Это в нашем Департаменте сельского

хозяйства что-то намудрили. Однозначно.

– Согласна. Давайте направим рекомендацию улучшить сорт.

– Так ведь образцы для массовой культивации выращивала наша Субин.

– А почему так много семян? Их лучше есть или выплевывать?

– Не таким мы себе представляли вкус малины. С ним явно что-то не то.

– Лучше бы и не пробовали. Хотя, кто знает, может, надо просто к ней привыкнуть, принять как факт. Вот такая она на вкус, и все.

Ждать других отзывов от коллег не имело смысла, поэтому Субин решила сама попробовать пару ягод. Чуда не произошло, и она разочарованно посмотрела на контейнер с малиной. Сотрудники попытались утешить ее дежурными фразами и стали потихоньку расходиться по рабочим местам. Некоторые прихватили с собой еще по горсточке.

Аён положила руку на плечо Субин и сказала:

– А мне показалось, что весьма недурно – очень нежный вкус, как я люблю. Все фрукты в последнее время чересчур сладкие.

– Да, но и она должна быть сладкой...

Субин едва сдерживала слезы. Аён поняла, что коллеге от ее слов поддержки станет только хуже, и, пожав плечами, отвернулась. А Юнчжэ, похоже, эта история отчего-то показав-

лось занятой: на ее лице застыла ухмылка. Вскоре утреннее оживление улеглось, и группа по изучению экологии растений вновь погрузилась в рабочую суматоху в преддверии сдачи отчета.

Пару лет назад НИИ во главе с директором Кан Ихён и Департамент сельского хозяйства начали совместную работу над одним амбициозным проектом: было решено возродить ценные виды сельскохозяйственных культур, утраченных в эпоху Пыли, и положить начало новой пищевой промышленности Кореи. Сотрудники сперва отнеслись к идее весьма скептически, ведь большую часть овощных и плодовых растений и без этого удалось вырастить из семян, которые сохранились за границей. Однако, когда клементин с острова Чечжудо, гибрид апельсина и мандарина, возрожденный в первый год проекта, завоевал колоссальную популярность на рынке и принес славу и финансовую выгоду исследовательскому институту, были запущены другие успешные проекты, в которых участвовали почти все сотрудники исследовательского центра. Постепенно основная часть работы легла на плечи самого младшего члена команды – Субин, на которую и свалились разные напасти. Первоначальный успех оказался всего лишь везением, и, кроме того, стало очевидно, что ни директор института, ни сотрудники не умели извлекать из проектов выгоду.

– На этой неделе начинаем готовить финальный отчет. Заполните, пожалуйста, свою часть и передайте данные Юн-

чжэ. Также прошу обеспечить доступ к файлу всем членам коллектива. Увы, сроки поджимают. И да, коллеги, давайте не забудем подать заявку на командировку в Эфиопию.

Аён сидела перед голографическим экраном, слушая указания Пак Соён, руководителя их научной группы. Она должна была заполнить часть, касающуюся диких растений юга Корейского полуострова. Программа автоматически сгенерировала предварительный отчет, но работы оставалось еще на весь день. Алгоритм системы был настроен так, что чуть ли не напротив каждого растения ставился знак «важно», хотя фактически далеко не все представляли интерес для высших комиссий и воспринимались ими как весьма заурядные представители флоры. По этой причине приходилось вручную оценивать все рассматриваемые экземпляры. В первый год работы Аён не знала об этой особенности и оставила все пометки, предложенные программой, за что на презентации результатов проекта подверглась всеобщей критике.

Аён решила позвать Юнчжэ, которая закончила свою часть отчета на удивление быстро и теперь неспешно попивала кофе.

- Взгляни, пожалуйста, на это.
- Давай, что такое?
- Как думаешь, можно написать, что эти цветы пригодны в качестве цветочной культуры?
- У членов комиссии тоже есть глаза. Не пройдет.

– А мне кажется, они очень даже милые. Ведь время от времени и такие скромные цветы становятся популярными.

– И все же в них нет ничего особенного.

– Ладно...

Такая безжалостная оценка Юнчжэ огорчила Аён, и она перешла на другую вкладку на голографическом экране. Каждое растение представлялось ей ценнейшим объектом исследования, но почему-то всякий раз, когда ее просили дать обоснование, зачем тратить деньги на восстановление того или иного вида, она не могла четко сформулировать ответ. Убедить комиссию можно было лишь в том случае, если растение представляло интерес для пищевой промышленности, фармакологии или в качестве цветочной культуры. Но растения, которые нравились Аён, ни для чего этого не годились. Всех интересовали только те виды, которые были примечательны своей красотой, вкусом или же лечебными свойствами. До всех остальных людям не было дела, пусть даже они навсегда исчезнут с лица земли.

– Это поистине уникальное растение, поэтому мне бы хотелось его воссоздать. У него очень редкая корневая система. Но ведь так не напишешь. Специфическая корневая система. Тоже неубедительно.

– Может, написать про биологическое разнообразие? Это как раз то, что может нас спасти. Первым реконструировали район с богатой экосистемой. Мы не знаем точно, канула ли в вечность эпоха Пыли и ждать ли нам ее возвращения. Может

быть, так будет убедительно? – предложила Юнчжэ.

– Этим никого не испугаешь. Каждый год публикуют внушающие опасение отчеты об остаточной пыли, но никому нет до них дела. Говорят, опять используем дизассемблер, и все будет в порядке.

– Интересно, неужели и раньше все так думали? Если да, то это печально.

Юнчжэ в итоге равнодушно пожала плечами и ушла.

Аён весь день просидела над отчетом, перекусив только сэндвичем и безвкусной малиной, и к вечеру хоть какой-никакой, но черновик был готов. Даже любимая работа может быть изнуряющей, когда ее слишком много. Напрягая красные от усталости глаза, она в последний раз проверила отчет и разрешила доступ к файлу всем членам группы.

Аён пошла доложить Юнчжэ и Пак Соён о том, что закончила свою часть, но не обнаружила их на рабочих местах.

– Они ушли в переговорную. Из Департамента лесного хозяйства кто-то приехал, – сообщила Субин.

Аён уже собралась было вернуться к себе и там подождать своих руководителей, как вдруг заметила, что на их голографических экранах открыта одна и та же статья с заголовком: «Распространение ядовитого сорняка в провинции Канвон-до вызвало волну недовольства жителей близлежащих деревень».

«А не это ли они сейчас обсуждают? – подумала Аён. – Но ведь мы занимаемся изучением пыли, тогда при чем здесь

сорняки? Интересно, когда это ядовитое растение появилось, после Реконструкции или еще в эпоху Пыли? С другой стороны, Юнчжэ и Пак Соён хорошо разбираются в любых вопросах ботаники и действительно могут чем-то помочь. К нам не раз обращались за консультациями о том, как бороться с вредителями или лечить деревья».

На следующее утро Аён обнаружила на своем столе два контейнера из биопластика. В большом лежал почтовый конверт, из которого торчали корни растения с приставшими комочками земли. В другом – образец почвы. На стикере были написаны дата, место сбора и предполагаемое научное название растения. Аён прочитала:

2 марта 2129 года, заброшенный район В02,

г. Хэволь, провинция Канвондо.

Департамент лесного хозяйства

Hedera trifidus

*Требуется анализ летучих органических веществ,
образцов почвы, сока листьев и стебля растения.*

– Это, наверное, для Юнчжэ?

– Вообще-то, я хотела поручить это тебе, Аён. Ничего личного, просто все сейчас очень заняты, – ответила Пак Со-

ён.

– Аён единственная из всех добросовестно заполнила свою часть отчета, – ввернула Юнчжэ, имитируя голос директора НИИ Кан Ихён.

«И что, те, кто работает быстрее остальных, должны работать вдвое больше?» – рассердилась про себя Аён, но спорить было бесполезно.

– Образец принесли из Департамента лесного хозяйства? – спросила она.

– Да, ты, должно быть, уже слышала. О хедере трифидус уже несколько дней говорят во всех новостях.

– Лиана трехлистная крючковатая, или в народе – мосвана. По этому поводу у нашего директора даже взяли интервью на радио. Дебютное.

– Да? Я последнее время почти не смотрю новости. И без того хватает хлопот в жизни.

Юнчжэ недоумевающе посмотрела на Аён, но та лишь пожала плечами и сказала:

– Кажется, пролистывая новости, я натыкалась на что-то такое. Поищу.

Юнчжэ, ухмыльнувшись, сказала:

– В Департаменте лесного хозяйства уже провели анализ образцов, но обнаружилось много странного. Они просят, чтобы мы тоже провели исследования, и надеются, что хотя бы нам удастся что-то понять. Хорошо бы до конца этой недели.

– До конца недели? Так осталось всего два дня.

– Поступают бесконечные жалобы. Говорят, что этот сорняк опутывает даже людей. Дело серьезное.

Аён пристально посмотрела на образец в прозрачном контейнере. С виду ничего особенного. Неприметные травы часто засоряют уголья. Растения, в отличие от многих других живых организмов, пережили катастрофу, адаптировались к новым условиям, поэтому неудивительно, что какой-то сорняк захватил заброшенные районы.

Аён отклеила стикер и собиралась было открыть крышку контейнера, но Юнчжэ ее остановила:

– Аккуратно, ты что! Не трогай.

Руки Аён замерли над контейнером.

– Этот сорняк вызывает сильный зуд и жжение. Вчера на совещании сказали. Обязательно надевай перчатки.

Юнчжэ закатала рукав, и Аён увидела ее распухшее запястье.

– И это я лишь слегка прикоснулась!

Аён удивилась и, надев перчатки, осторожно вынула образец. Он представлял собой обыкновенную лиану с длинными тонкими коричневыми стеблями. Ничего особенного. Похож на декоративный плющ, который выращивали в допыльную эпоху. Однако у этой разновидности имелись шипы на стебле и треугольные изогнутые листья размером с ладонь. Вопреки названию не все листья были трехпалые, некоторые представляли собой одну листовую пластинку. Мосвана отлича-

лась от привычных диких трав Кореи, но все же не походила на ядовитое растение. Хотя внешность нередко обманчива и в мире флоры.

– Это ведь не местный вид? Никогда не видела в Корее такую лиану.

– Все так предполагали. Но чтобы узнать точно, нужно поднять архивы. Судя по записям, после Реконструкции мосвана встречалась в Корее. Но когда именно она появилась, пока не выяснили.

Чтобы получить допуск в лабораторию, Аён подключилась к внутренней системе НИИ, но обнаружила сообщение о том, что на сервере идет проверка и доступ возможен только через тридцать минут. Значит, она успеет выяснить, что собой представляет эта мосвана. Аён положила в кружку шесть кусочков льда, налила двойную порцию эспresso, добавила немного холодной воды, и получился чудодейственный напиток для бодрости духа. По совету Юнчжэ она решила послушать, что говорят про мосвану в новостях.

Репортер беседовал с научным сотрудником в безукоризненно белом халате, который надевают только на интервью. Этим сотрудником и была директор Кан Ихён. Они обсуждали лиану, которая заплонила сельскохозяйственные угодья и деревни близ города Хэволь и мешала работам по реконструкции.

Сначала Аён слушала равнодушно, но внезапно кое-что привлекло ее внимание, и она поставила видео на паузу. Ка-

жется, Кан Ихён сказала «широко распространенная в поздний период эпохи Пыли». Аён перемотала назад. Директор НИИ вывела на экран кадры Хэволя и продолжила:

– Мосвана – разновидность лианы, широко распространенная в поздний период эпохи Пыли. После Реконструкции ее ареал резко сократился, и до недавнего времени она не встречалась в Корее. Сейчас стали появляться новости об ее агрессивном распространении в городе Хэволе. Как говорят местные жители, аномальное разрастание сорняка наблюдается там по несколько раз в год на протяжении последних тридцати лет.

– Как вы считаете, что могло служить причиной?

– Пока все склоняются к версии об искусственном мутагенезе. Мосвана хорошо адаптируется к изменениям окружающей среды. Но нельзя исключать возможность актов биотерроризма или незаконного посева.

– Странно, да? – перебила Юнчжэ, и Аён остановила видео.

– Биотерроризм, сорняки... Звучит сомнительно. Все это больше похоже на теорию заговора, – ответила Аён.

– Посмотрим, кто окажется прав. А ты у нас везде ищешь теории заговора, да?

Язвительные комментарии коллеги разозлили Аён.

– Если не получится забронировать лабораторию с оборудованием, то я не успею закончить анализ к концу недели.

Все сейчас проводят дополнительные исследования для отчета.

Аён снова включила видео про таинственный сорняк. На голографическом экране появилось изображение места раскопок в городе Хэволе, которые пришлось приостановить из-за нашествия мосваны. Панорамная камера передавала необычную картину: заросли лианы покрывали все – от деревьев до камней.

– Она заполонила все. Очень странно.

– Да уж. Диковинное опасное растение – все как ты любишь, – сказала Юнчжэ.

Аён бросила взгляд на лиану в контейнере. На вид мосвана была неприметна и вполне безобидна.

Юнчжэ пожелала коллеге удачи и, похлопав ее по плечу, вернулась на свое рабочее место.

Аён начала готовиться к лабораторным исследованиям: отделила стебель, листья и корни, провела химическую обработку и очистку каждого фрагмента. Оборудование было занято до конца рабочего дня, поэтому она решила остаться до позднего вечера. Руководитель группы Пак Соён с виноватым видом подписала разрешение на использование лаборатории ночью.

Закончив опыты, сотрудники начали расходиться по домам. Было около десяти вечера, когда Аён наконец-то смогла приступить к делу. В нерабочее время у входа в лабораторию выставляли цилиндрического робота-охранника. Аён

дотронулась до него, пытаясь понять, какая от этого болванчика польза в случае экстренной ситуации.

– Ну-с, посмотрим, что тут у нас, – пробормотала Аён, словно ученый на пороге открытия века.

Проделав все необходимые процедуры, она обнаружила, что время уже перевалило далеко за полночь. Для завершения анализа всех двадцати фрагментов необходимо было оставить оборудование включенным на всю ночь. Результаты Аён получит лишь завтра. Поэтому, сонная, она решила пойти домой и хоть немного отдохнуть.

Перед сном Аён всегда читала «Странные истории» про Доктора Стрэнджа. Своего рода тайное хобби. Однажды об этом случайно узнала Юнчжэ и с тех пор никогда не упускала возможности отпустить шутку на сей счет. Теории заговора и призраки. Почему-то Аён привлекало все мистическое и необъяснимое. Часами напролет она могла читать про таинственные приключения супергероя. Бывало, рассказывала на сайте фан-клуба и о загадочных историях из своего детства.

Аён установила границы между собой и миром «Марвел», разрешив ему существовать в своей жизни только в качестве хобби. Ученым не полагается верить в существование призраков. Однако страх человека перед неизведанным и непостижимым и в то же время интерес к загадочным явлениям не отменить. Истории про призраков не отличались оригинальностью, но было в них что-то ужасающее и мистическое, что заставляло Аён читать их снова и снова. Ей даже попа-

дались рассказы о неких пыльных созданиях, но в академических кругах их существование, разумеется, опровергали.

«Ну, попробуем», – подумала она и ввела в строке поиска «Хэволь». Неожиданно для себя она обнаружила несколько новостных заметок про этот город. Они не были связаны с нашествием агрессивного сорняка. Так, однажды во время реконструкции Хэволя рабочие в куче металлолома обнаружили необычного гуманоидного робота, который перемещался почти как настоящий человек. Загадочным образом робот вскоре бесследно исчез.

Аён уже было собиралась отложить планшет на прикроватную тумбочку, но решила напоследок попробовать ввести в поиске «мосвана». Она не надеялась найти что-то полезное, но любопытство взяло верх. Взглянув на страницу результатов поиска, Аён нахмурилась.

*«ДЬЯВОЛЬСКОЕ РАСТЕНИЕ – ПРЕДВЕСТНИК
ГИБЕЛИ ВСЕГО ЖИВОГО?»*

Впрочем, статья под таким амбициозным заголовком оказалась весьма бессодержательной. Непонятное растение неожиданно «захватило» чей-то сад, в чем автор статьи увидел зловещее предзнаменование. Тривиальный сюжет даже для Доктора Стрэнджа.

Аён вывела на экран возле кровати информацию о лиане. *Hedera trifidus*. Общеизвестная как мосвана. Дальняя родственница вечнозеленого девичьего винограда плющевидного, который используется в декоративных целях. Многие

данные о флоре допыльной эпохи были бесследно утеряны, что не позволяло с точностью определить время появления этого вида. Как и другие паразитирующие растения, мосвана хорошо разрастается на открытом грунте, ловко вьется по стенам домов или деревьям. Места ее произрастания опасны для человека, а малейшее соприкосновение с ней вызывает раздражение на коже или аллергию. Особую угрозу представляют листья и плоды.

Аён не могла избавиться от мысли, что вредоносность мосваны преувеличена. Это растение не столько «дьявольское», как его прозвали за границей, сколько банально «надоедливое». Скорее всего, дело вовсе не в его сверттоксичности. Мосвана была доминантным видом позднего периода эпохи Пыли, а также в самые первые годы после Реконструкции, когда мир еще пребывал в опустошении. Тогда растение можно было встретить в любой точке земли. Так образ мосваны стал устойчиво ассоциироваться с отчаянием и страданиями тех мрачных лет.

Все эти данные о хедере трифидус появились либо почти сразу после выхода в свет «Странных историй», либо представляли собой отрывки газетных статей последующих десятилетий. Мосвана поразительно легко приспособилась к новой среде обитания, заполонив собой планету, но по мере восстановления экосистемы была вытеснена другими растениями. В конце концов она практически исчезла с лица земли, за исключением отдельных районов. Вот почему ее

нынешнее агрессивное распространение в Хэволе вызвало у людей беспокойство. Возможно, в силу поразительной живучести мосваны в земле могли сохраниться ее семена, которые сейчас и проросли.

Как ни посмотри, все жуткие мифы о мосване достойны пера писателя, но едва ли серьезного изучения. Она просто-напросто агрессивный сорняк, как всегда считали иностранные коллеги. Аномальное распространение мосваны в Хэволе – это, по всей вероятности, лишь один из многочисленных случаев ее появления в разных частях света.

Начитавшись заговорщических теорий, Аён всю ночь видела необычные сны. На холме, покрытом красными листьями мосваны, стоял стул, и на нем кто-то сидел, вроде бы женщина. Хотелось подойти к незнакомке, но заросли мосваны обжигали лодыжки и не давали ступить ни шагу. Лиана была повсюду.

– Извините, пожалуйста, как вы туда забрались? – крикнула она незнакомке.

Та медленно повернулась в ее сторону. Аён показалось, что они раньше виделись. Но где и когда – не могла вспомнить.

– Мы с вами знакомы?

Аён проснулась, так и не услышав, что ответила женщина. Что за сон? Может, подсознание хотело навести ее на какую-то важную мысль? Немного придя в себя, девушка сделала вывод, что это просто причудливый сон. Хотя бы пото-

му, что листья у мосваны не красные. Похоже, пересмотрела вчера фотографий осеннего плюща. Но все же лицо той женщины не давало покоя. Что она сказала? Во сне ее лицо казалось таким знакомым. Кто же это мог быть?

Взглянув на часы, Аён тряхнула головой, прогоняя ненужные мысли. Пора было идти на работу.

«Ничего необычного. Все совпадает с информацией в базе данных», – подумала Аён. Она пришла на работу на час раньше, чтобы сделать дополнительные анализы образцов лианы, но результаты исследования не выявили ничего принципиально нового. Растение содержало токсичные вещества, вызывающие аллергические реакции, а также аллелопатические вещества, препятствующие росту других растений. Что и требовалось доказать: просто чрезвычайно назойливое растение, не более того.

– Я провела краткий сравнительно-геномный анализ и обнаружила кое-что странное, но делать выводы пока рано. Перепроверю, – сказала Юнчжэ, но в голосе ее не слышалось особой надежды выяснить что-либо сенсационное. – Еще я запустила полное секвенирование генома, результаты тоже вставим в отчет для Департамента лесного хозяйства.

В ожидании результатов Аён решила провести еще пару несложных опытов с гербицидами и отправить все данные.

В Департаменте выразили признательность Аён за проделанную работу: «Благодарим Вас. Мы опасались, что допустили ошибку, поэтому обратились за экспертным заключе-

нием в ваш НИИ. Наши результаты практически идентичны. Будем решать этот вопрос».

Немного жаль сотрудников эпидемиологической службы, которым предстоит борьба с мосваной, но результат вполне ожидаемый.

Когда пару дней спустя Аён после работы, растянувшись на кровати, как обычно, читала комиксы про Доктора Стрэнджа, ей позвонила Юнчжэ: «Нас попросили съездить в Хэволь и провести дополнительные исследования. Имеющихся на настоящий момент данных недостаточно. Пока все очень запутанно. Хэволь – не ближний свет, но в Департаменте все чрезвычайно озабочены этим вопросом, поэтому отказать мы не могли. Поедем вместе, соберем образцы. Лучше увидеть все своими глазами».

Аён положила в рюкзак инструменты для сбора образцов, бумажные конверты, средство от насекомых и плащ. Затем прислонилась к спинке кровати и задумалась: «Что же все-таки происходит? Разве это не обычный сорняк? Ох, что-то тут не так. В голове все перемешалось от кучи бесполезной информации, которую пришлось прочесть». Беспокойные мысли долго не давали ей уснуть.

Утром Аён встретила с Юнчжэ возле центра проката транспорта перед исследовательским комплексом.

– Возьмем хOVERKAP? – предложила Аён.

– Хэволь в зоне ограниченного доступа, по воздуху туда не добраться. Даже для дронов нужно получать разрешение.

К сожалению, придется на машине. У тебя были планы на вечер?

Аён покачала головой. Поездка на машине займет больше времени, вернуться рано не получится. Впрочем, она не расстроилась: в машине ей не грозит акрофобия, от которой она всякий раз страдала в хOVERKape. Каждый такой полет, казалось, отнимал у нее несколько лет жизни.

На неотремонтированных участках дороги в Хэволь, каких было немало, приходилось управлять машиной вручную. Решили, что туда поведет Аён, а обратно – Юнчжэ. Девушка положила ладонь на сканер устройства распознавания водителя. Идентификация прошла успешно. Как только они покинули территорию НИИ, Юнчжэ включила музыку. Выехав на оборудованную для автопилота трассу, Аён перешла на полуавтоматический режим управления.

– А ты на симпозиум заявку не подала. Не едешь, да? – поинтересовалась Юнчжэ.

– Ой, конечно, еду. Я же собиралась. Из-за этой мосваны все вылетело из головы. Как же так!

Переживания коллеги развеселили Юнчжэ. Симпозиум по случаю празднования шестидесятой годовщины Реконструкции, который пройдет в столице Эфиопии Аддис-Абебе через месяц, – самое долгожданное событие в научных кругах, в том числе и для Аён.

В дороге коллеги обсуждали подготовку к предстоящей командировке и финальный отчет, сроки которого поджима-

ли. Однако по мере приближения к Хэволю разговор вновь возвращался к ситуации с мосваной.

– Сотрудник Департамента по телефону сказал кое-что странное, – вдруг вспомнила Юнчжэ.

– Что именно?

– Говорит, в Хэволе обитают призраки.

– А к чему он вообще это сказал?

– Из-за всей этой истории с мосваной люди выходят на работу даже ночью. Так вот, в месте, где ведется реконструкция, видели каких-то светящихся духов. Впрочем, неудивительно, ведь в деревнях всегда полно привидений.

– Юнчжэ, я тебя не узнаю. Ты же не веришь во все это.

– Скоро сами все увидим.

– В принципе, да, тем более что Хэволь – город-призрак.

– Бр-р-р, жутковато. Чудные растения, духи – безумство какое-то.

Юнчжэ намеренно нагнетала обстановку. Включив радио, она быстро перебрала музыкальные станции и остановилась на выпуске новостей. Аён слушала их вполуха, размышляя: «Светящиеся духи, глупость какая-то! А вдруг мосвана выделяет галлюциногены? Но в материалах ничего об этом не было». Юнчжэ, казалось, равнодушно отнеслась к слухам про призраков, но Аён была обеспокоена.

Сейчас Хэволь – один из заброшенных районов Кореи. А когда-то он был лидером по производству робототехники. Сразу после наступления эпохи Пыли именно Хэволь бла-

годаря особенностям речного бассейна выбрали для строительства защитного купола. Но, к несчастью, из-за масштабного сбоя в системе от города остались лишь руины, и он превратился в кладбище роботов. После Реконструкции сюда сбежались нелегальные раскопщики, и теперь на месте когда-то процветающего Хэволя была свалка металлолома. Однако несколько лет назад начались восстановительные работы неподалеку от центра города, и кое-где начали появляться кафе и частные гостиницы.

Аён уже бывала в Хэволе. В университете их привозили сюда на практику по гуманитарному циклу предметов. Профессор отправил студентов гулять по городу, чтобы они посмотрели на последствия эпохи Пыли. В памяти у Аён остались зловонный воздух и груды металла. Тогда она не могла понять, откуда в заброшенном, необитаемом городе мог взяться омерзительный трупный запах. Позже ей рассказали, что зловоние исходит от диких животных, которые навсегда застревают в грудах разлагающегося металла. Город-призрак, затягивающий в свое жерло смерти все живое, – вот что Аён помнила о Хэволе.

Недалеко от города они встретились с сотрудником Департамента лесного хозяйства, который тут же начал причитать:

– Мы привлекаем к работам все больше людей, а результата нет. Почему оно так быстро распространяется? Мы имели дело с разными вредителями, но чтобы не спать ночами

из-за какого-то сорняка – такое впервые. Сколько это может продолжаться? Мы уже не знаем, что делать. Может, у вас получится разобраться. Поехали, я покажу!

При подъезде к городу взгляду открывалось удивительное зрелище: лианы мосваны покрыли все – поля, холмы, деревья. Вскоре они подъехали к огороженной сигнальными лентами зоне. Именно здесь велись работы по реконструкции.

Машина остановилась. Аён не могла вымолвить ни слова.

– Здесь все началось. Как видите, дело серьезное, – сказал сотрудник Департамента.

За оградительными лентами заросли мосваны сплошным ковром покрывали груды металлолома. Создавалась иллюзия, что город вернулся в лоно природы. Совсем не таким Аён когда-то запомнился Хэволь.

– Отсюда оно распространилось даже на отдаленные сельскохозяйственные угодья. Ситуация критическая.

Обогнув гору металлолома, они пошли в другую сторону, и их взору открылись бескрайние заросли мосваны. Рядом стояли внушительного размера экскаваторы, которые тем не менее выглядели ничтожно маленькими на фоне неохватных зарослей лианы. В новостях все выглядело более заурядно. Через экран передавалось ощущение, что это растение можно контролировать, но это едва ли было так. Юнчжэ недоверчиво сказала:

– Пойдемте посмотрим поближе.

На открытых участках мосвана была примерно полметра

высотой, а если на ее пути попадались деревья, то она забиралась на них и свешивалась с веток. По некоторым тропам передвигаться можно было, только предварительно расчистив себе путь серпом. Аён и Юнчжэ надели перчатки, собрали резинкой низ штанов и стали пробираться сквозь заросли. Юнчжэ присела на корточки и осмотрела мертвые растения, погибшие под лианами.

– Поддай мне контейнер для образцов.

Аён протянула коллеге бумажный конверт. Темно-зеленые листья сплошь покрывали холм, не оставив ни единого свободного клочка земли. Юнчжэ выкопала мертвое растение. Его корни оказались опутаны другими, более темными корнями – вероятно, мосваны. Похоже, что она паразитировала на других видах, высушивая их корни. Получается, увитые лианами мосваны деревья тоже были на грани гибели.

– Жутковато. Не нравится мне все это, – сказала Юнчжэ, нахмурившись.

Аён кивнула в ответ. Представителей флоры и фауны не следовало ставить в один ряд с людьми, очеловечивая их и сопереживая им. Но порой это было неизбежно. Как на свете могло появиться такое чудовищное растение?

Буйство мосваны в эпоху Пыли было вполне объяснимо. В те времена выживали сильные и наиболее адаптивные виды, которые забирали питательные вещества у других растений, при этом они все равно находились на грани гибели. Но как это возможно после начала эпохи Реконструкции? Аён

терялась в догадках.

Сотрудник Департамента рассказал, что подобные случаи распространения мосваны были зафиксированы также в Юго-Восточной Азии:

– Они поделились с нами своим опытом, но он нам не поможет. Здесь, в Хэволе, нечто иное. Методы, которые срабатывали в других местах, не дают никакого результата. Видимо, мосвана мутирует.

В его голосе чувствовалась явная тревога. Отчего-то в Хэволе мосвана распространялась беспрецедентно быстро.

– Нам нужно срочно найти способ с ней бороться. А иначе засуха в окрестностях Хэволя уничтожит весь урожай. Без конца поступают жалобы от местных жителей. Наверху знают о проблеме, и нам велено с ней разобраться. Так что придется сделать все возможное. Мы предполагаем, что распространение пошло не из центра Хэволя, так как это запретная для людей зона, но версию с биотерроризмом все же пока не отвергаем.

Увидев ситуацию своими глазами, Аён уже сама начала допускать возможность диверсии. «Но если это действительно так, то какие мотивы у преступников? Если бы речь шла о смертельном вирусе, токсинах или, в конце концов, генном мутанте, тогда понятно. Но зачем распространять назойливый сорняк? Чтобы досадить эпидемиологической службе? Конечно, бывали случаи терактов с растениями в качестве орудия преступления и против самих растений тоже,

но тогда, как правило, использовались патогены. Может, это месть местным жителям или попытка лишить их сельскохозяйственных угодий? А может, кто-то просто решил разрушить естественную экосистему. Но кому это нужно?» – размышляла она.

– Допустим, кто-то действительно сделал это намеренно, но тогда мы вряд ли поможем поймать преступников. Мы же не Следственный комитет. Если проблема с экологией, то необходим мониторинг ситуации. Нужно прежде всего понять, замешан ли здесь человек. Мы хотели бы ознакомиться со всеми имеющимися материалами. Может, удастся найти более эффективный способ борьбы с сорняком. Мы обсудим с коллегами этот вопрос, – сказала Юнчжэ.

Теперь всем было очевидно, что мосвана – отнюдь не заурядный сорняк, поэтому без сотрудничества с НИИ экологии не обойтись. Представитель Департамента пожал руки Аён и Юнчжэ и поблагодарил их за помощь. В его глазах читалась грустная надежда найти решение.

– А что там за история с призраками?

Вопрос Аён привел чиновника в недоумение. Даже Юнчжэ не сразу сообразила, о чем идет речь, но потом, улыбнувшись, объяснила:

– О них упомянул научный сотрудник Ким из Департамента, когда звонил по этому делу. Ходят слухи, что после появления мосваны в Хэволе люди периодически видят призраков.

От слов Юнчжэ их собеседник, похоже, занервничал:

– Эти глупости записали со слов нелегальных раскопщиков. Не стоит обращать на них внимание.

Но заинтересованная Аён не успокаивалась:

– Вы уверены, что это просто слухи?

Сотрудник Департамента снова недоуменно посмотрел на Аён, но, понимая, что ему нужна их помощь, спокойно объяснил:

– Мы уверены в том, что «это» не имеет человеческого обличья. Все говорят про какой-то свет вдалеке. Не обычный, как от фонарика, а синеватый. По словам очевидцев, они пробовали подойти поближе, но ничего интересного не обнаруживали. В Следственном комитете подтвердили, что никого, кроме нелегальных раскопщиков, здесь не бывает. Кто-то видел похожее синее свечение, может, даже люминесценцию, и за пределами запретной зоны, но ни фотографий, ни других доказательств нет. Мне кажется, все просто сильно встревожены ситуацией с мосваной, вот и мерещится неизвестно что.

Весь оставшийся день Аён с Юнчжэ собирали дополнительные образцы мосваны и почвы и пару часов выслушивали жалобы коллеги из Департамента по поводу стремительного распространения сорняка. Всю обратную дорогу Аён смотрела в окно. Хотя солнце уже село и все погрузилось во мрак, она не теряла надежды увидеть тот самый синий свет. Но вокруг была только темнота.

Юнчжэ спросила:

– О чем думаешь? Ты какая-то серьезная.

– Синий свет, исходящий от растений, – это ведь не частое явление?

– Угу, явление люминесценции уже само по себе чрезвычайно уникально, а если еще и синего цвета... Даже если очевидцы не врут, дело не в мосване. Скорее всего, это светлячки или какие-то люминесцентные микроорганизмы. Сорняк здесь ни при чем.

Слова Юнчжэ звучали разумно. Предположим, слухи про синее свечение и духов правдивы, но искать в этом связь с мосваной – перебор. Вероятно, причина кроется в люминесцентных насекомых или в техногенном воздействии. Это более правдоподобное объяснение.

И все же Аён никак не могла перестать думать о мосване и о синем свечении. Как будто она это уже где-то видела.

Внезапно она вспомнила свой недавний сон. Тогда Аён решила, что всему виной истории про Доктора Стрэнджа, которых она читалась на ночь. Но теперь она все поняла. Буйный рост лиан и синее свечение. Аён их видела. В далеком детстве, в саду Ли Хису.

Прошло несколько месяцев с тех пор, как Аён устроилась в Научно-исследовательский институт изучения пыли. Все сидели и пили кофе, как вдруг руководитель их группы Пак Соён спросила:

– Аён, а почему ты решила у нас работать?

– В каком смысле?

– Наш институт – не самый популярный. Ты могла бы найти что-то получше, но пришла к нам. Почему?

Сидящую рядом Юнчжэ эта тема, похоже, очень забавляла. На собеседовании Аён уже приходилось отвечать на этот вопрос, но теперь, после года стажировки и нескольких месяцев испытательного срока, она уже понимала, что подразумевается под фразой «не самый популярный». Как оказалось, к изучению пыли обыватели относились весьма пренебрежительно.

Когда Аён рассказывала, что работает в Институте пыли, все очень удивлялись тому, что такое место в принципе существует. В коллективном сознании постепенно стирались воспоминания об ужасах минувшей эпохи, и пыль по

большому счету больше никого не интересовала. Конечно, все признавали, что наука спасла человечество от гибели, но одновременно после Реконструкции она, как считали, стала инструментом обогащения для большинства ученых.

Впрочем, многие ученые, работающие в области изучения пыли, были убеждены в значимости проводимых исследований и любили свое дело. Но все больше становилось тех, кто и сам не знал, почему объектом его научных изысканий является уже исчезнувшее явление.

На помощь замешкавшейся с ответом Аён пришла Юнчжэ:

– Ну, не всегда же обязательно нужна причина. Иногда ты занимаешься тем или иным делом, чтобы просто прокормить себя. Куда берут, туда и идешь. Я вот, например, подавала документы сразу в несколько НИИ.

Аён была благодарна Юнчжэ. Большинство людей действительно не могли четко сформулировать причину выбора именно этой сферы. Но не Аён. И наконец настало время об этом всем рассказать.

– На самом деле я выбрала этот НИИ совсем не случайно. Все с любопытством уставились на Аён, отчего ей стало не по себе.

– Я полюбила растения еще в детстве. Помню, как наш мир менялся. И мне очень хотелось узнать, из чего же он состоит.

– Удивительно. Обычно детей не особенно интересуют

растения.

– Ага. Скорее насекомые или какие-нибудь динозавры. Растения скучноваты.

– Мне тоже они не сразу понравились. Их красоту мне открыла одна соседская бабушка. Я ее очень любила, – продолжила Аён.

– Она, видимо, увлекалась садоводством?

– Нет, я бы так не сказала. Она очень хорошо разбиралась в растениях, хотя по профессии была механиком.

– Откуда механик может знать о растениях? – недоумевали коллеги.

– Она жила неподалеку от огромного пансионата для престарелых в Онню, это пригород Инчхона. Знаете, наверное? Все кивнули.

– Да, я даже там бывала. Моя двоюродная бабушка тоже там живет.

– Почти сразу после строительства пансионата мама получила там должность менеджера в центре здоровья, и мы переехали. Так я и познакомилась с Ли Хису.

Рассказ Аён заинтересовал ее старших коллег, и они внимательно слушали. Сделав глоток чая, она продолжила:

– Ли Хису была очень загадочная. Как будто с другой планеты. Я ничего толком не знала про ее прошлое – кто она, откуда. Исчезла она так же неожиданно, и никто не знал куда. Она пережила эпоху Пыли и часто рассказывала истории о жизни за пределами купола.

Аён впервые встретилась с Ли Хису через месяц после переезда. Как-то раз она возвращалась домой вместе с четырьмя новоиспеченными друзьями, о которых знала к тому времени совсем немного. Неожиданно она услышала шепот: «Смотри!»

Рядом со въездом на территорию пансионата стоял старенький хOVERкар. Двое стариков, тыча друг в друга пальцами, горячо о чем-то спорили. У них под ногами лежали плакаты с лозунгами. Очевидно, что-то произошло. Одного из них Аён знала – по слухам, весьма сварливого старика, который как-то приходил к ним в школу с лекцией. Учительница тогда рассказала, что в прошлом он был очень уважаемым врачом. Старушку, которая с ним спорила, Аён видела впервые. Она была непохожа на других – простенькая одежда, кроссовки, круглые очки, собранные в пучок волосы.

Ребята переглянулись и решили незаметно проскочить мимо стариков. Аён шла последняя. Она прислушалась к их спору, но так и не смогла понять, о чем шла речь.

– Какое ты имеешь право? Иди домой и там делай что хочешь.

– Надо гнать этих негодяев отсюда к чертям!

Рассерженная старушка случайно поймала взгляд украдкой посматривающей на них Аён и вдруг улыбнулась:

– Ой, неужто у нас новенькая?

Девочка осторожно кивнула в ответ, но та уже поспешила

вернуться к спору. Улыбка исчезла с ее лица, и она вновь выглядела сердитой.

Всю оставшуюся дорогу домой Аён размышляла об этой странной ситуации.

– Та бабушка... она действительно со мной поздоровалась? – спросила она у одноклассников.

– Ага. Это же Ли Хису.

После этих слов ребята отчего-то захихикали. Похоже, они хорошо знали старушку. Аён еще не совсем освоилась в новой компании, поэтому не решилась дальше расспрашивать одноклассников об этой странной персоне. Но, придя домой, рассказала о ней маме.

– А, ну так там же сегодня была студенческая демонстрация, и кто-то из стариков позвонил и пожаловался в полицию. Вот и поднялся шум. Ли Хису проходила мимо и решила поддержать студентов, – рассказала она.

Аён не могла понять, о какой демонстрации идет речь и почему вообще старушка вдруг встала на сторону студентов. Но мама не стала вдаваться в объяснения:

– Она часто приходит к нам в центр. Милая старушка, хотя, скорее, даже забавная.

В Онню сохранилась остаточная пыль, поэтому одно время городок был почти заброшенным. Все изменилось, когда там начали строить большой пансионат. Суён, мама Аён, курировала центры здоровья для пожилых людей по всей Корее. Когда было принято решение о создании филиала в Он-

ню, ей пришлось переехать сюда за год до открытия, чтобы успеть все подготовить. Ветераны эпохи Пыли в основном обитали в новых жилых комплексах, а молодежь, приехавшая сюда работать, – в деревне за пределами пансионата, возле небольшой реки. По дороге туда, перейдя по мосту, можно было увидеть одинокий, выдавший виды дом с огромным сараем и садом. Там и жила Ли Хису.

Как оказалось, обитатели пансионата не особо ее жаловали. Старушка имела привычку спорить со всеми по любому поводу, многие даже писали жалобы с просьбой выселить ее из городка. Но, конечно, это было невозможно. В первую очередь потому что жила она за рекой, в отдалении от всех. Кроме того, ничего противозаконного не совершала. Тем не менее стоило ей выйти на прогулку, как тут же собиралась толпа стариков поглазеть на нее, приговаривая: «Ну вот, опять эта мерзавка куда-то прется».

Никто не знал, когда она переехала сюда, почему жила в таком огромном доме с садом и сараем совсем одна и, наконец, зачем вступала в спор с другими жителями из-за каждого пустяка. Кто-то рассказывал, что Ли Хису жила здесь еще до строительства пансионата и поэтому так трепетно охраняла свою территорию. Некоторые говорили, что она приехала сюда года три назад. Ее сварливость одни объясняли тем, что еще в эпоху Пыли жители города под куполом плохо с ней обошлись, другие – тем, что после Реконструкции она оказалась замешана в политическом скандале.

В любом случае сама Ли Хису почти ничего не рассказывала, так что известно о ней было немного. Со всеми, кроме стариков-ветеранов, она была добродушна и мила, умела управляться с техникой и подолгу что-то мастерила в своем сарае. Ее сад полностью зарос сорняками, как будто за ним никто не ухаживал десятилетиями.

Еще тогда, в детстве, пансионат казался Аён диковинным местом. В школе каждую неделю проводили уроки памяти, посвященные эпохе Пыли, – была такая уникальная традиция в их учебном заведении. Старики приходили на занятия и делились воспоминаниями о минувшем. Кто-то из них служил офицером под куполом, кто-то работал врачом. До Реконструкции только там можно было укрыться от пыли. Но жизнь под куполом была полна невзгод и страданий. Даже воду выдавали раз в два дня. Конечно, обо всем этом рассказывали и на уроках истории, но учебник не сравнится с воспоминаниями очевидцев тех страшных времен. Пыль унесла жизни их родных и друзей, и время не залечило раны. На уроках памяти ученики не могли сдержать слез.

Периодически на въезде в город собиралась толпа протестующих с лозунгами «Требуем выдать полный список ветеранов» или «Долой подтасовку имен». В такие дни все старики сидели по комнатам и грустно наблюдали за происходящим из окна. Кроме Ли Хису. Она присоединялась к демонстрации и раздавала всем воду.

– Мамочка, почему их так не любят? – спрашивала Аён.

Работающая в центре здоровья для пожилых людей Суён осторожно отвечала, что жители пансионата почтенны, приветливы и просты в общении. При этом нельзя сказать, что они достойны уважения, но и совсем плохими их не назовешь.

– Понимаешь, дорогая, в эпоху Пыли альтруистам выжить было очень трудно. Среди наших родителей и бабушек едва ли найдется хоть кто-то, кто не повидал горя в те времена. Все так или иначе столкнулись со смертью и смогли выжить. Но многим людям кажется неправильным уважать тех, кто выжил за счет других. Тебе, наверное, пока будет трудно все это понять.

Аён много размышляла, но ее не переставала мучить дилемма – разве не каждый думает в первую очередь о себе, если на кону стоит его жизнь? Может, это оттого, что она сама была потомком таких же далеких от альтруизма людей? Девочка подумала о своих бабушках и дедушках, которых она ни разу не видела. А может, вообще всем рожденным после эпохи Пыли передался грех предков?

От всего этого ей было не по себе. Детям взрослые твердили о том, что нужно уважать стариков, хранивших воспоминания о былых временах, а между собой шептались об их преступлениях.

Слухи не могли не доходить и до детей, в чьих устах истории обрастали небылицами. Поговаривали, что кто-то из стариков предал семью, чтобы прокормить себя. Другие вра-

ли о своем вкладе в Реконструкцию. С данными об их возрасте тоже что-то было не так. Аён смотрела на ветеранов, выступающих перед ними на уроке, и думала об их прошлом. Неужели все это правда? Кто они на самом деле – грешники или праведники? Если их истории – это ложь, то не оттого ли, что воспоминания о минувших днях просто-напросто стирались из их слабой памяти?

Неизвестное прошлое Ли Хису тоже всех интересовало, но никогда не становилось объектом сплетен. Несмотря на то что старушка застала эпоху Пыли, казалось, она не имела к ней отношения, словно прилетела с другой планеты. Ли Хису была дружелюбна ко всем жителям деревни и даже помогала им с починкой техники. Когда кто-то в очередной раз приносил ей вещицу на ремонт, она неизменно угощала его пирожками и печеньями.

Местных интересовало содержимое ее сарая. Те из них, кому удалось там побывать, восторженно рассказывали о странных машинах, напоминающих хOVERкары, и гуманоидных роботах. После Реконструкции ввели строгую политику ограничения технологий и, за исключением нескольких городов, таких роботов нигде не производили. Вероятно, Ли Хису собственноручно собрала их из деталей, которые ей удалось где-то раздобыть.

Фантастический сарай завоевал всеобщую любовь деревенских детей, а вот заброшенный сад не вызывал никакого интереса. Он порос сорняками, и казалось, будто в этом и

было его предназначение. От некогда зеленых деревьев остались лишь сухие остоны. Вездесущие сорняки цеплялись даже за створки забора. Аён не разбиралась в декоративных насаждениях и не могла сказать, какой сад красивый, а какой не очень. Но одно она знала точно: сад Ли Хису не имел ничего общего с теми, которые она видела в фильмах или на картинах. Он был не совсем заброшенный. Хозяйка временами дремала в удобном кресле в самом его центре или, склонившись, долго разглядывала растения. Поведение чудаковатой Ли Хису и этот странный сад без цветов и плодовых деревьев заинтриговали Аён.

Местные ребята хорошо ладили со старушкой, но Аён переживала, что у нее не получится с ней подружиться. Она стеснялась знакомиться с новыми людьми, будь то взрослые или дети. Да и через год предстояло вновь переезжать. Кроме того, она побаивалась пожилых из-за их ворчливости. Впрочем, скрыть свой интерес к Ли Хису, ее дому и в особенности саду Аён не могла. Загадочный участок располагался как раз на пути в школу, поэтому каждый раз, проходя мимо, она украдкой его разглядывала.

Как-то вечером Аён заблудилась. Решив разведать новый маршрут, она в конце концов забрела в совершенно незнакомое место. Поблизости не было общественного транспорта. Пришлось идти, ориентируясь на огни пансионата. Солнце уже село, в сумерках все выглядело не так, как обычно. Девочка шла, вздрагивая от каждого шороха, как вдруг что-то

привлекло ее внимание.

Перед ней был сад. Оглядываясь по сторонам, она подошла ближе. Над садом стояло загадочное синее свечение. В воздухе витала пыль. Сад выглядел устрашающе, но в то же время манил к себе. Аён подумала, что такого синего цвета в природе не существует, и, подойдя ближе, поняла, что это сад Ли Хису. Сейчас он был неузнаваем. Увядавшие деревья и сорняки теперь были лишь тенями на фоне парившей над землей синей пыли.

Аён стояла возле забора, а пылинки касались кончика ее носа и плавно опускались на землю. Когда глаза привыкли к темноте, в центре сада она заметила сидевшую в кресле одинокую старушку. Казалось, она смотрит не на сад, а сквозь него. Девочка почувствовала, что ей открылось что-то запретное, но не могла оторвать взгляд.

Неожиданно раздался громкий лай. Аён испугалась и хотела было бежать, но споткнулась и упала. Услышав шум, Ли Хису повернулась и заметила ее. Девочкой овладел страх. Наверное, сейчас старушка разозлится. Все говорили, что она так сильно бережет свой сад, что не прикасается в нем ни к чему, поэтому он и выглядит заброшенным. Аён зажмурилась и снова открыла глаза.

Перед ней стояла Ли Хису и протягивала руку. Аён растерянно посмотрела на руку, но все же ухватила за нее и поднялась с земли.

– Извините. Я... я случайно.

– Все хорошо?

– Да, все хорошо. Извините, пожалуйста, – сказала Аён дрожащим от испуга голосом.

Ли Хису задержала взгляд на девочке, будто пытаюсь прочесть ее мысли, а потом неожиданно засмеялась.

– Все нормально, можешь приходить в любое время. – Старушка стряхнула грязь с коленей Аён и добавила: – Но в следующий раз лучше приходи в сарай, а не в сад. Для детей тут опасно. Я не очень хорошо управляюсь с этими растениями, а у них скверный характер.

И тут Аён почувствовала жжение на коленках. Видимо, из-за соприкосновения с пылью на них образовались волдыри.

– Эти растения только выглядят безобидно. Мне они очень нравятся, но их легко рассердить. И тогда пеняй на себя! Посиди здесь немного.

Ли Хису усадила ее в свое кресло, сходила в дом за мазью и натерла ей колени. Аён была в замешательстве. От мази она почувствовала легкий холодок, и вскоре покраснение сошло.

Старушка медленно ходила по саду, разговаривая с кем-то по телефону. Вероятно, с мамой Аён. Сама же гостья была не в силах подняться и сидела, с тревогой закусив губу. Рассердить маму – еще страшнее, чем повредить колено.

Вскоре к саду подъехала машина Суён.

– Ой, спасибо вам большое! Ее нет и нет, я уже так разволновалась. Аён, где ты ходила?

Суён слегка ущипнула дочь за щеку и усадила девочку в машину. «Забрела неведомо куда, так еще и шпионила за чужим садом, сейчас мне достанется», – грустно размышляла Аён. Внезапно через окно хOVERкара ее глаза встретились с глазами Ли Хису, и она вдруг ощутила спокойствие. Старушка приложила палец к губам и пробормотала что-то наподобие «Пусть это будет наш с тобой секрет».

В тот вечер синяя пыль, витавшая в воздухе, удивительным образом исчезла, как только машина Суён остановилась возле сада. Может, Аён стала свидетелем какого-то волшебства? Тогда понятно, почему Ли Хису попросила никому не рассказывать об этом. Чтобы не спугнуть магию.

С того дня Аён бережно хранила их секрет. Сад Ли Хису так ее очаровал, что каждый раз, проходя мимо, она заглядывала через забор в надежде вновь увидеть то удивительное синее свечение, но ничего не происходило.

Как-то зайдя к маме на работу, Аён столкнулась со старушкой. Тогда девочка лишь неловко кивнула в знак приветствия и поспешила прочь. Но Ли Хису всегда была так приветлива и добродушна, что Аён вскоре первая начинала с ней разговор:

– Как вам тыквенные пирожки, которыми вас угостила мама? Я помогала месить тесто.

Ли Хису с улыбкой отвечала:

– Очень вкусно. Я такие делать не умею. Кстати, как поживают те негодяйки из школы, которые подтрунивали над

тобой?

Аён обожала эти короткие встречи с Ли Хису. Конечно, больше всего ей хотелось спросить про сад, но она боялась разрушить волшебство. Верила, что это их драгоценный секрет.

Как-то раз Аён набралась смелости и вновь подошла к саду Ли Хису. Разглядывая цветы на ближайшей клумбе, она вдруг увидела хозяйку сада, выходящую из сарая. В руках та несла какое-то устройство, видимо, только закончила над ним работу. Увидев девочку, старушка улыбнулась. Ее забавляло, что сад так заинтересовал Аён.

– Я тоже люблю их разглядывать. Они статичные и в то же время очень динамичные. Я здесь ничего не трогаю, растения сами добиваются этого изысканного баланса. Удивительные создания.

Аён едва заметно кивнула головой. Раньше она совсем не интересовалась цветами, а сейчас то и дело ловила себя на мысли, что без конца думает о том синем свете. Аён присматривалась и к другим растениям, но они не излучали ничего подобного.

– Как-нибудь расскажу тебе про них.

От слов Ли Хису сердце Аён забилося чаще. Хозяйка не ухаживает за садом, но при этом очень любит растения, которые там растут. Может, есть какая-то предыстория? Аён хотелось подробно расспросить обо всем старушку, но они никогда не оставались наедине. Она могла лишь строить до-

гадки в надежде, что когда-нибудь ей посчастливится узнать правду.

Этот момент наступил раньше, чем она ожидала. В тот день была гроза, и гром сотрясал небеса. Суён кто-то позвонил, и она в спешке начала собирать вещи.

— Аён, в пансионате в соседнем регионе какие-то проблемы с электричеством. Нужна моя помощь. Похоже, буду поздно.

Суён заглянула в холодильник и с ужасом обнаружила, что он совершенно пустой. Оставлять дочь одну без еды было никак нельзя, и она стала обзванивать знакомых в поисках того, кто сможет с ней посидеть. У всех были свои заботы и дела, и только Ли Хису радостно согласилась принять девочку.

И вот Аён стояла перед домом старушки, не решаясь зайти. Суён еще раз сердечно поблагодарила хозяйку дома и повела хOVERKAP по залитой дождем дороге.

Девочка осторожно зашла в дом. Ли Хису уже принесла чашки с чайником и предложила выпить чего-нибудь горяченького. Потягивая чай, маленькая гостья осматривалась. На улице лил дождь, но в комнате было тепло и уютно. Мебель, сделанная из темного дерева, напоминала старинную, чуть ли не музейную, и контрастировала с многочисленными приборами, расставленными по всему дому. На полках тесными рядами лежали всевозможные детали и рабочие инструменты.

Больше всего Аён поразил гуманоидный робот, стоящий возле двери, словно манекен. Его внешняя оболочка местами отстала от корпуса, и у него не было глазных яблок, так что слегка испуганная Аён поспешила отвести взгляд. Но вскоре любопытство взяло верх, и она снова начала рассматривать робота. Он походил скорее не на человека, а на стальных роботов из старых фильмов и выглядел вполне дружелюбно. Доска рядом с ним была увешана стикерами с напоминаниями.

Ли Хису села напротив своей гостьи и спросила:

– Ну как, нравится?

– Ага, вкусно, – ответила Аён и, чтобы продемонстрировать, как ей понравился чай, сделала еще глоток.

– Я не об этом. Мне показалось, тебе приглянулся мой робот. Я раньше не встречала детей твоего возраста, которых интересуют всякие машины. Эти старинные чашки, кстати, всем нравятся, поэтому я всегда их достаю, когда приходят гости.

– По правде, чай крепковат.

От напитка исходил сладкий аромат, и Аён надеялась, что на вкус он будет таким же, но он почему-то горчил. Ли Хису усмехнулась. Когда гостья снова начала разглядывать робота, старушка сказала:

– Таких роботов в былые времена выпускали большими партиями. Но сейчас производство прекратили. Я его откопала в руинах, отремонтировала, но запустить так и не по-

лучилось.

Аён вновь внимательно посмотрела на робота, а хозяйка продолжила:

– Раньше почти у всех были гуманоидные роботы. Некоторые занимались уборкой дома, им даже давали имена. Но теперь запрещено производить их похожими на людей. Из-за того, что в эпоху Пыли они использовались в боях. Люди восприняли это как настоящее предательство и больше не хотят их видеть. Коллективная травма.

Теперь Аён поняла, почему все роботы в городке были цилиндрической или полуцилиндрической формы.

– А вы тоже делали таких? С ножами или ружьем.

Ли Хису задумчиво склонила голову, и Аён робко добавила:

– Кто-то из друзей рассказывал. Вы ведь тоже служили.

– А, было дело. Но я их не делала, а только чинила, – улыбнувшись, ответила Ли Хису. – На самом деле этот робот тоже был очень добрый, изначально он использовался как домашний помощник. Но потом его переделали в боевого. В те времена различия между добром и злом стерлись окончательно. Чтобы защитить купол, задействовали всю технику, и то, что когда-то было безобидным, стало опасным.

– Вы жили под куполом?

– Совсем недолго, около года. Мне очень не нравилось это место.

Ли Хису неожиданно нахмурилась. Аён часто заморгала,

как будто соринка попала ей в глаз.

– Под куполом собрались ужасные люди. Я часто думала, что лучше бы уж мир был уничтожен полностью. Вот почему я недолюбливаю жителей нашего городка. Эти старики – лицемеры, которые напрочь забыли обо всех своих грехах и преступлениях. – Ли Хису вдруг улыбнулась и продолжила: – Впрочем, все это не для детских ушей. Как бы то ни было, мы считаем выживших нематериальным культурным наследием. Мысль о гибели всего мира меня почему-то успокаивала. Хотя, наверное, я не имела права так думать, будучи человеком, избежавшим смерти.

– Я раньше тоже часто просыпалась с этой мыслью – что лучше бы мир разрушился.

– А ты-то почему? Удивительно слышать такое от девочки, – удивилась Ли Хису и внимательно посмотрела в глаза Аён, которой эти слова придали смелости.

– Вы сказали, что старики в этом городке – лицемеры, но не только они. Дети тоже. Каждый по-своему. Они знают, что я через год перееду, и поэтому еще сильнее надо мной издеваются. Никто из них за меня не заступает. Так что они не сильно лучше взрослых. Поэтому мне казалось, что не осталось достойных людей, все только притворяются хорошими.

Аён понимала, что взрослым такие проблемы кажутся пустяками, но Ли Хису слушала ее очень внимательно.

– Экие негодяи. Неудивительно, что у тебя были такие мысли. Сейчас ты тоже так считаешь?

В глазах старушки Аён нашла поддержку и продолжила увереннее:

– Нет, сейчас я просто не люблю одноклассников, но не считаю всех людей плохими. И теперь я, конечно, не думаю, что лучше бы все человечество погибло.

Некоторое время Ли Хису молчала, а потом мягко сказала:

– Забавно, что наши мысли сходятся.

– Правда?

– Да, в какой-то момент я тоже поняла, что мир не должен погибнуть из-за этих мерзавцев. И твердо решила пережить их, чтобы полюбоваться на их разоблачение.

– У вас получилось?

– Как сказать. Наверное, нет. Они ведь еще здравствуют. Но зато я смогла увидеть много хорошего, чего бы не увидела, если бы мир исчез.

Аён кивнула и сказала:

– Я тоже буду так думать. Ничего хорошего во всеобщей гибели нет.

Ли Хису рассмеялась:

– О том и речь. Мы хорошо друг друга понимаем, хотя у нас разница почти в семьдесят лет.

В тот день Ли Хису рассказала много удивительных историй о минувших временах – о деревнях под причудливыми куполами, о диких животных с грибами мацутаке на спине, о злобных странниках, которых ей случилось встречать. Все

это имело мало общего с ужасами эпохи Пыли, картины которых Аён рисовала в своем воображении, и с душераздирающими рассказами обитателей пансионата на уроках памяти.

– Так что же получается, за пределами купола тоже можно было выжить?

Аён всегда думала, что пыль оказывает смертельное воздействие на организм человека и ни одно живое существо не может существовать вне купола. Ответ Ли Хису оказался неоднозначным:

– Не могли, никак не могли. Но... вне купола тоже были люди. И нелюди – само сосредоточение зла.

Снаружи ударил гром и сверкнула молния, отчего атмосфера стала еще более зловещей – под стать леденящим душу историям об эпохе Пыли. Аён побледнела от страха, а Ли Хису улыбнулась и сказала:

– Пожалуй, хватит на сегодня этих рассказов, а то приснятся кошмары.

– Но я хочу еще.

В глазах Ли Хису блеснул огонек.

– Тогда я поведаю тебе другую историю. Уже про настоящее – про те растения из моего сада и о насекомых, которые в нем появляются. О том, как пережившие эпоху Пыли растения оставили глубоко в земле свои семена, а после Реконструкции быстро адаптировались к новому миру и начали разрастаться по всей планете.

Аён поразили неординарные познания в ботанике Ли Хису, простого механика. Она знала название каждого растения в своем, на первый взгляд, заброшенном саду.

– Знаешь, растения, они как хорошие машины. Раньше я об этом не догадывалась, но мне подсказали, и потребовалось время, чтобы полностью с этим согласиться.

Гроза бушевала до утра, но в ту ночь Аён не снились кошмары. Ей снились заросшие травой деревни под куполом. Она была путешественницей эпохи Пыли и счастливой владелицей сада за пределами защитного свода. Проснувшись, девочка увидела Ли Хису, дремавшую в кресле возле кровати. Казалось, что старушка не здесь, а где-то далеко. Аён снова закрыла глаза и крепко уснула. Сны больше не снились. По прошествии лет она позабыла подробности услышанных тогда историй, но долгие годы помнила тот вечер.

– Ее рассказы о растениях глубоко запали мне в душу. Я навсегда запомнила тот светящийся полуночный сад. У растений много тайн, они как высокоточные машины, но при этом очень адаптивные.

Коллеги взволнованно слушали Аён, не заметив, что на часах уже полдень. Кто-то из них спросил:

– А ты сейчас общаешься с той старушкой? Она, наверное, была бы рада узнать, что ты работаешь в нашем НИИ.

– Ли Хису... она...

Аён запнулась. Она считала, что это дела прошлых лет, но

понимала, что лукавит с собой. Старушка навсегда осталась в ее памяти.

– Она неожиданно исчезла. В один миг. Я даже не знаю, жива ли она еще, где и как ее искать.

Бывало, Ли Хису пропадала на несколько дней – по ее словам, уходила на поиски деталей для своих машин. Иногда она отсутствовала и дольше. Минула неделя, потом месяц с тех пор, как она в очередной раз отправилась «на охоту». Аён начала сильно беспокоиться, но жители городка не переживали: «Не стоит волноваться. Она и раньше пропадала на несколько месяцев, но потом возвращалась».

Вскоре Суён получила назначение на новый объект, и нужно было переезжать. Аён каждый день приходила к дому Ли Хису в надежде, что та вернулась. В последний раз – уже после того, как собрала чемодан. Стоя перед знакомым садом, она заметила, что растения еще больше разрослись и обвили весь забор, стремясь вылезти на дорогу. Но синего свечения больше не было. Раз показавшись, оно пропало навсегда.

Ли Хису не сказала Аён ни слова о своем отъезде. Старушка стала для нее объектом восхищения, но для старушки девочка была лишь еще одним местным ребенком, который частенько забегал в гости. Понимая это, Аён все равно не могла не грустить. Она мечтала встретиться со старушкой еще хотя бы раз, но переезд лишил ее этой надежды.

– Аён, милая, пора ехать. С Ли Хису все будет в порядке. Я оставила наш телефон и попросила местных передать ей, что ты очень скучала, – сказала Суён, сидя за рулем хOVERKAPPA.

Аён в последний раз оглянулась на дом Ли Хису, словно хотела навсегда запечатлеть его в памяти. Отчего-то она была уверена, что образ этого дома с садом совсем скоро забудется, ускользнет из ее сознания.

Аён уехала и больше ничего не слышала о старушке.

В университете, куда поступила Аён, студенты должны были выбрать себе специальность. Почти никто не хотел заниматься экологией. Кроме Аён. Все однокурсники посчитали ее старомодной и скучной. Ей были интересны микроорганизмы, ползучие насекомые, морские и пресные водоросли, вездесущий грибок. Ее восхищала способность этих, казалось бы, незаметных представителей флоры и фауны «осваивать» огромные территории. Нравилось наблюдать, как растения, предоставленные сами себе, медленно, но верно разрастаются и заполняют сады. С самых юных лет она знала, что растительные организмы обладают невероятной силой и поразительной живучестью и хранят много тайн.

Окончив университетскую практику, Аён наткнулась на новость о том, что Отдел экологии пыли, ранее подведомственный Национальному институту биологических ресурсов, отделяется в самостоятельный НИИ. Автор колонки критиковал инвестиции в изучение экологии пыли, считая

это направление пережитком военных лет, а также бесполезной тратой сил и денег. «Вы цепляетесь за прошлое, не замечая проблем настоящего» – именно эта фраза укрепила желание Аён работать в сфере экологии.

Эпоха Пыли и последующая Реконструкция кардинально поменяли облик планеты. Изучением этих трансформаций и занимается наука экология пыли. Объектами исследования являлись как исчезнувшие, так и появившиеся в новое время виды, а также те, что смогли адаптироваться и стать важным элементом современной экосистемы.

Гигантские куполы, защищавшие от смертоносной пыли, были воздвигнуты в каждом уголке земли, чтобы укрыть людей, но не леса и поля. Многие растения, оказавшись на грани исчезновения, смогли приспособиться к новым условиям. Ученые предполагали, что пыль вызывала геномные изменения. Высокие деревья превращались в низкорослые, в результате мутаций широколиственных появлялись растения с длинными, узкими и шершавыми листьями, которые поглощали пыль. На месте мертвых лесов образовывались новые экосистемы с ранее неизвестными породами деревьев и кустарников. После исчезновения пыли мутировавшие растения еще некоторое время господствовали на планете. Однако уже во второй половине двадцать первого века адаптировавшаяся к пыли флора вновь видоизменилась. Так облик экосистемы в очередной раз преобразился.

Планета стремительно перерождалась, и растения – сле-

дом за ней. Их стойкость и воля к жизни восхищали Аён.

Днями и ночами изучая образцы растений, она представляла, какая у них невероятная история и сколько они хранят тайн. Иногда в ее памяти всплывали картины из детства. Особенно тот заброшенный сад, над которым парила загадочная пыль с синим свечением. И старушка, вглядывающаяся в ночную тьму в поисках чего-то давно исчезнувшего.

[Приветствуем Вас в мире Доктора Стрэнджа!]

[Вас ждут мировые заговоры, мистические истории и захватывающие тайны.]

[Добавить заметку]

[Заголовок: Дьявольское растение]

Я занимаюсь изучением одного дьявольского растения. Недавно Корея столкнулась с неконтролируемым распространением мосваны. Эта лиана уже захватила один заброшенный город, и, сколько бы с ней ни боролась, она продолжает разрастаться. Я не сплю ночами, пытаюсь разобраться, откуда появилось это растение и почему от него невозможно избавиться.

Но мой вопрос немного о другом.

Может быть, кому-то известны случаи, когда мосвана излучала синий свет?

В том заброшенном городе многие наблюдали такой феномен, но в официальных отчетах он не зафиксирован. Семена мосваны не люминесцентные и не слишком легкие, чтобы держаться в воздухе. Частишки почвы тоже не могут давать такой эффект.

Но есть кое-что еще.

Когда-то в детстве я видела сад одной старушки. Это было так давно, что я не могу с уверенностью сказать, что там росла именно мосвана. Но я помню, что растение заполняло весь сад, обвивало забор и тянуло свои дьявольские лозы к дороге.

Сад был заброшенный. В нем ничего не было, кроме этого буйного сорняка. Как-то поздно вечером я случайно оказалась у дома старушки и увидела, как она сидит в кресле посреди сада, а вокруг нее витает синяя пыль.

Все это напоминало волшебство.

Я думаю, может, в ее саду тоже росла мосвана?

Но для чего старушке понадобилось ее выращивать? Это дьявольское растение захватило весь сад.

Я поискала в архивах, но нигде ничего не сказано про синий свет.

Может, кому-нибудь доводилось наблюдать что-то подобное?

[У Вас 1 новое сообщение.]

[Просмотреть]

Почитайте вот это. Текст старый, но вам должен понравиться.

[Перейти по ссылке.]

Нахмурившись, Юнчжэ стояла перед голографическим экраном и смотрела на результаты полного секвенирования генома образцов мосваны из Хэволя. Программа провела сравнительный анализ новых данных с уже имеющимися.

- Ну как? Нашла что-то необычное?
- Видимо, какая-то ошибка в секвенировании.
- Почему?

– Результаты очень странные.

Аён тоже посмотрела на экран, но ее знаний в геномике растений было недостаточно, чтобы что-либо понять. Юнчжэ объяснила:

– Геном дикой мосваны, обнаруженный за границей, сильно отличается от генома нашего образца. Безусловно, в процессе роста растения могут видоизменяться и некоторые расхождения вполне допустимы. Но не в таком количестве. Кроме того, гены образцов мосваны из Хэволя практически идентичны, что очень нетипично для колоний растений, произрастающих в дикой природе.

– Ты хочешь сказать, что наша мосвана была выведена искусственно?

– Да. Понимаешь, уж слишком эти гены изящны. Даже филигранны.

– Филигранны?

– Да, здесь нет ничего лишнего. Идеальный генный набор, полная гармония – в дикой природе такое не встречается.

Аён плохо разбиралась в генетике, но понимала, к чему клонит коллега. Похоже, этот вид мосваны вывели искусственно. Скрестив руки, Юнчжэ смотрела на экран.

– Ты думаешь, это биологический терроризм? Кто-то намеренно синтезировал растение и рассеял семена? – спросила Аён.

Биотерроризм – первое, что пришло ей на ум. Вдруг кто-то специально вывел растение с невероятными способностями

ми к размножению и засадил Хэволь образцами с идентичными генами?

– Как вариант, – ответила Юнчжэ. – Но, если честно, я не уверена. Для биотерроризма можно было выбрать куда более страшное растение. Непонятно, зачем было так заморачиваться с генной модификацией. Ради того, чтобы насолить местным жителям и сотрудникам Департамента лесного хозяйства? Какие мотивы? Может, это простое хулиганство или проделки какого-то сумасшедшего.

Аён кивнула. Возможно, кто-то действительно сделал это намеренно, но совершенно непонятно, с какой целью.

– Я думаю, нам следует отправить образцы в другие институты на перепроверку. Нужны еще пробы. Но все же здесь что-то не так... – размышляла Юнчжэ.

Аён понимала, что имеет в виду коллега. Кто мог такое совершить?

Внезапно в ее памяти всплыли события из прошлого. Они не имели отношения к тому, о чем говорила Юнчжэ. Синий свет над диковинными лозами в саду Ли Хису, сама старушка и ее неожиданное исчезновение, рассказ про странное свечение над зарослями мосваны в Хэволе, вчерашнее анонимное сообщение с сайта фан-клуба Доктора Стрэнджа...

«А вдруг все эти события связаны между собой? Но что же за растение эта мосвана?»

– Эй, все хорошо? Ты как будто застыла.

Юнчжэ вывела Аён из задумчивости, и та вдруг спросила:

– В командировке в Эфиопии у нас не будет свободного времени?

Вопрос коллеги удивил Юнчжэ:

– Нет, естественно. Мы же участвуем в симпозиуме. Какая-то общая для всех культурная программа, конечно, предусмотрена. Но что ты там хочешь посмотреть одна? Ты же не в отпуск туда приедешь.

– То есть нам можно будет передвигаться только по центру Аддис-Абебы?

– Ну, далеко уходить от отеля не рекомендуется. А почему ты спрашиваешь? Что-то хочешь посмотреть? Какие-то личные дела? Я думаю, что все же лучше везде ходить с группой. А то наткнешься ненароком на патруль.

– А если я отлучусь по научным делам?

– Ну, тогда надо просто заранее получить разрешение. Обсуди с руководителем группы. Может, и получится. А почему ты хочешь заняться научными делами одна? Ведь можно включить их в общую программу командировки.

Аён не знала, как рассказать коллеге про сообщение с сайта фан-клуба Доктора Стрэнджа, и после небольшой паузы ответила:

– Я не уверена, что эта проблема действительно может считаться научной.

Аддис-Абеба стал первым реконструированным городом после окончания эпохи Пыли. В нем лучше, чем где-либо, сохранились прежние флора и фауна, что создавало благоприятные условия для исследований в области экологии пыли. Поэтому приуроченный к празднованию шестидесятилетия Реконструкции симпозиум решили провести именно там.

Прилетев в Аддис-Абебу, группа растениеводов сразу направилась в отель, где должен был проходить симпозиум. До вечерней церемонии открытия оставалось еще достаточно времени, и коллеги решили пообедать где-нибудь неподалеку.

На улицах было очень оживленно, хотя отель располагался не в самом центре города. Людей в столице Эфиопии проживало много, что было весьма нехарактерно для других реконструированных городов. Аддис-Абеба находилась на значительной высоте над уровнем моря. Казалось, ее не коснулись ужасы разрушения. Солнце приятно согревало, но воздух тем не менее оставался прохладным – таков был

здешний климат. Все говорили в основном на амхарском и английском, другие языки наушники-переводчики не распознавали. На шумных улицах тут и там проводились чайные церемонии, хозяева летних кафе зазывали клиентов. На каждом углу продавали густой свежавыжатый сок из разных фруктов.

– Это местный напиток – смесь авокадо, манго и папайи. Очень вкусно. Обязательно попробуй, – будто бы со знанием дела сказала Юнчжэ.

Она уже бывала здесь раньше на научных мероприятиях, а для Аён это была первая поездка. Взгляд то и дело падал на экзотическую еду и красочные сувениры. Аён думала о своем: «Неужели тут и правда можно найти Ланганских ведьм? А вдруг тот человек обманул?» От размышлений ее на время оторвала Субин, которая принесла холодный кофе. Обратившись к ней, они поехали на старой грохочущей машине. Всю дорогу Аён была погружена в раздумья.

Эфиопия была родиной экологии пыли. Изначально ботаника не пользовалась здесь популярностью, но в эпоху Пыли местные травники внесли значительный вклад в народную медицину и Реконструкцию, заслужив всеобщее уважение. Говорят, что правительство до сих пор щедро поддерживает ученых-ботаников, которые ведут активные исследования в области восстановления сельскохозяйственных и диких культур, утраченных до Реконструкции. Больше ничего про Эфиопию Аён не знала.

В сборнике материалов прошлого симпозиума была статья, посвященная эфиопским народным травникам, но Аён только мельком ее просмотрела, так как занятия этих людей не входили в круг ее научных интересов. Как-то ей на глаза попалось интервью с известными лекарями, которые рассказывали о культивации растений после Реконструкции, но точного содержания беседы она не помнила. Экология была традиционной и почитаемой наукой в Эфиопии, и ученые из других стран могли только завидовать такому отношению.

Имена тех лекарей вновь появились в поле зрения Аён благодаря анонимному сообщению с сайта фан-клуба Доктора Стрэнджа. В нем была ссылка на статью, написанную более десяти лет назад. Ее автор рассказывал про мосвану невероятные вещи.

– Аён, ты у нас отпросилась на выходные по своим делам. Может, передумаешь? Здесь можно потеряться в два счета. К тому же мы, иностранцы, сразу привлекаем к себе внимание, – сказала Пак Соён.

Аён и правда не была уверена в правильности своего решения. Уж очень не хотелось отрываться от соотечественников в чужой стране. «Но делать нечего, лучше поехать одной», – убеждала она себя.

– Все нормально! Я и в монгольской пустыне не потерялась.

– Та женщина, с которой ты будешь встречаться, много

знает про мосвану, да? Интересно. Вообще лучше бы ей выступить на симпозиуме. Соберется много специалистов из смежных областей.

– В ее возрасте это будет тяжело.

– Ясно. Тогда не забудь каждый час сообщать мне, все ли у тебя нормально. Неважно, что связь дорогая.

Аён была самым младшим сотрудником, поэтому Пак Соён немного о ней беспокоилась.

– Специалист по мосване на пенсии? – Юнчжэ не преминула съехидничать. – Откуда она взялась?

Аён уклончиво рассказала Юнчжэ о статье на сайте, и та сразу же попросила взять ее с собой на встречу. Но на тот день был запланирована экскурсия в горы, которую коллега очень ждала, поэтому девушка настояла на том, что поедет одна.

Автор статьи называл мосвану «лианой, излучающей синий свет». Именно поэтому нужно было обязательно с ним встретиться.

Открытие симпозиума прошло великолепно. Аён с интересом прошла по выставочному залу, заставленному стендами, обменялась контактами с учеными из других стран. В завершение послушала занимательную лекцию под названием «Формирование естественного купола и модификационная изменчивость на изолированных территориях: экологический анализ островов и свалок». В эпоху Пыли над одним

из удаленных островов южной части Тихого океана сформировалась особая микроатмосфера, защищающая от воздействия смертоносных частиц. Благодаря этому большая часть видов не мутировала. Аён пыталась сконцентрироваться на содержании доклада, но ее мысли постоянно уносились к предстоящей встрече: «Если согласится поговорить, если это все-таки случится... с чего мне начать?»

На следующий день Аён выступила с докладом про изменения в вегетации растений Корейского полуострова. Особого интереса у слушателей ее изыскания не вызвали. В тот день все обсуждали вторичную экосистему нового вида, появившуюся в Северной Европе. Эта тема, в свою очередь, не интересовала Аён. Ее мысли занимало другое.

На следующий день в отеле открылась масштабная выставка, посвященная шестидесятилетию Реконструкции. Помимо зала экологии здесь были представлены и залы смежных областей, а также приборы, которые использовались при разработке дизассемблера. Аён осмотрела их весьма бегло. Все считали, что дизассемблер – великое достижение человечества, но она едва ли могла согласиться с этим амбициозным заявлением. Люди, из-за которых мир оказался на грани уничтожения, восхваляют сами себя за то, что в последний момент смогли предотвратить катастрофу. К счастью, на выставке было много занимательных материалов, посвященных экологии пыли.

Так прошло четыре дня. На первом в своей жизни загра-

ничном симпозиуме Аён думала лишь про мосвану.

В воскресенье участники симпозиума поехали на экскурсию в горы Энтото. Там на высоте более трех тысяч метров над уровнем моря можно было полюбоваться богатой тропической высокогорной растительностью. Аён расстроилась, что не сможет посмотреть на уникальную местную флору, но ее ждали более важные дела.

Аён договорилась встретиться с Руданом в кафе «Натали» в центре Аддис-Абебы. Она пришла заранее, поэтому пришлось некоторое время его подождать. Аён общалась с Руданом только по электронной почте, но сразу узнала его в толпе. Это был крепкий мужчина лет сорока.

– Добрый день! Я до последнего не верил, что вы придете. Думал, вдруг это чья-то шутка.

Рудан первым начал разговор и сразу показался Аён общительным.

– В принципе, я неплохо владею амхарским, но мой родной язык – оромо. Переводчик пока еще не очень хорошо его распознает, поэтому лучше буду говорить на английском.

По рассказу Рудана, он не имел никакого отношения к экологии или ботанике и рано забросил учебу, но в двадцать с лишним лет ему довелось участвовать в работах по реконструкции пустошей. Там он познакомился с Ланганскими ведьмами, как прозвали сестер Наоми и Амару.

– Как я уже сказал, я до последнего не верил, что вы при-

дете. Я не привык тратить время впустую. Но по вашему письму понял, что вопрос для вас важный. К тому же я навел справки и убедился, что сотрудник НИИ с вашим именем действительно существует. Я встречался со многими журналистами, но, услышав мой рассказ, они все как один говорили, что это какая-то бессмыслица. В итоге о «ведьмах» все же несколько раз написали в местных журналах, после чего на меня посыпалась волна критики. Точнее, на Амару. Вы первый ученый, с которым я разговариваю на эту тему и который отнесся ко мне серьезно. Вы сказали, что работаете экологом, и это меня тоже удивило. Зачем вам вдруг писать что-то про мосвану на сайте Доктора Стрэнджа? Но в программе симпозиума, выложенной в интернете, было ваше имя, так что я отбросил все сомнения. Очень рад, что наконец-то нашлось подтверждение рассказам Наоми и Амары.

Аён показалось, что она начинает понимать чувства Рудана, как вдруг выражение его лица изменилось.

– Но есть одна проблема... Та, с кем мы планируем встретиться, не хочет никого видеть.

По словам Рудана, истории о мосване рассказывала всегда старшая сестра, Амара, но постоянные издевательства и насмешки людей вынудили ее замолчать навсегда. Она уже давно ни с кем не общается. Рудан пробовал убедить ее встретиться с Аён, но в ответ получил лишь холодный отказ. Вероятно, обида так и не прошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.